

Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С69

С69 Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 620 с.

ISBN 978-5-458-10577-4

Изданы под редакцией Н. И. Веселовского. Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии (том 29). С.-Петербург: типография Главного Управления Уделов, 1904.

ISBN 978-5-458-10577-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	I—XLVII
Замѣтка Н. И. Веселовскаго	I—III
Біографіческія свѣдѣнія о Чоканѣ Валихановѣ:	
1) Г. Н. Потанина	IV—XXXIV
2) Н. М. Ядринцева	XXXV—XXXIX
3) И. И. Ибрагимова	XL—XLVI
Замѣтка о надгробномъ памятнике Чокана Валиханова	LXVII
Статьи Чокана Валиханова:	
Аблай	1— 7
Сѣды шаманства у киргизовъ	8— 36
Вооруженіе киргизъ въ древнія времена и ихъ военные доспѣхи	37— 40
Очерки Джунгаріи	41— 78
О состояніи Алтышара или шести восточныхъ горо- довъ китайской провинціи Нанъ-ду (Малой Бухаріи) въ 1858—1859 году	79—150
1) Географический очеркъ	79—107
2) Исторический очеркъ	107—150
Записка о судебной реформѣ у киргизъ Сибирскаго вѣдомства	151—178
Изъ черновыхъ бумагъ Чокана Валиханова	179—320
1) Записка № 1.	179—194
2) Записка № 2.	194—201
3) Шуна Батыръ	201—208
4) Смерть Куко-тай хана и его поминки .	208—222
5) Идиге (джиръ). Вступленіе	223—264
6) Эдигей	265—273
7) Замѣтки о шаманствѣ. Тенкри (Богъ) .	274—282
8) Преданія и легенды Большой Киргизъ- Кайсацкой орды	283—285

9) Киргизское родословие	286—305
10) Черновой набросокъ	306—311
11) Черновые замѣтки къ статьѣ Аблай- ханъ	312—320
О кочевкахъ киргизъ	321—326
Приложение.	
Извлеченіе изъ дѣла обѣ отправленіи поручика Чокана Валиханова въ Кашгаръ. Замѣтка редактора	329—347
Маршрутъ	348
Выписка изъ отчета о путешествіи въ Кашгаръ поручика Валиханова	349—484
1) Описаніе Алтышара или Кашгара . .	355—356
2) Описаніе пути въ Кашгаръ и обратно въ Алтайскій округъ	357—397
3) Исправленія и дополненія къ Отчету о состояніи Алтышара или шести городовъ Восточнаго Туркестана въ 1858—9 годахъ	398—403
Продолженіе отчета.	
1) Народонаселеніе	403—419
2) Правительственная система и полити- ческое состояніе края	419—455
3) Промышленность и торговля	455—484
Изъ письма Н. Ф. Петровскаго къ Н. И. Веселов- скому	486—488
Маршруты, собранные Валихановымъ во время путешествія въ Кашгаръ	489—504
Письма Валиханова къ Г. А. Колпаковскому . .	505—518
Письма Валиханова къ К. К. Гутковскому . .	519—531
Дополненія и поправки	532
Указатели:	
1) Личный	I—XVIII
2) Географический	XIX—XXXII

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Какъ блестящій метеоръ промелькнулъ надъ півной Востоково-вѣдѣнія потомокъ киргизскихъ хановъ и въ то же время офицеръ русской арміи Чоканъ Чилигисовичъ Валихановъ. Русские-оріенталисты единогласно признали въ лицѣ его феноменальное явленіе и ожидали отъ него великихъ и важныхъ откровеній о судьбѣ тюркскихъ народовъ; но прежде-временная кончина Чокала лишила насъ этихъ надеждъ. Онъ умеръ отъ чахотки, не достигнувъ и 30-лѣтняго возраста. Генераль-губернаторъ Западной Сибіри Гасфорть, обратившій вниманіе на выдающіяся способности Валиханова, сталъ, на сколько возможно, покровительствовать ему въ ученыхъ занятіяхъ и выхлопоталъ для него поѣздку въ Кашгаръ развѣдочнаго характера, ознаменовавшуюся важными результатами въ научномъ отношеніи. Когда Валихановъ вернулся изъ Кашгара, Гасфорть самъ принималъ участіе въ редактированіи отчета обѣ этой поѣздкѣ и затѣмъ далъ Валиханову командировку въ С.-Петербургъ. Описание путешествія въ Кашгаръ и составляетъ главную работу этого замѣчательнаго человѣка; другія его статьи, за ничтожнымъ исключеніемъ, остались или необработанными, или въ видѣ черновыхъ набросковъ; но и эти статьи большую частію сохранились не въ автографахъ, а переписанными другою рукою, причемъ переписчикъ не всегда справлялся съ своею задачею; при чрезвычайно пераразборчивомъ почеркѣ Валиханова, онъ то оставлялъ пробѣлы въ своемъ спискѣ, то искажалъ слова, а самъ авторъ почему-то не сдѣлалъ необходимыхъ исправленій¹⁾). Тѣмъ не

¹⁾ Нѣкоторыя бумаги переписаны К. К. Гутковскимъ, помощникомъ военнаго губернатора въ Омскѣ, очень дружившимъ съ Чоканомъ Валихановымъ.

менѣе всѣ изысканія Валиханова настолько важны, что Совѣтъ И. Р. Географическаго общества въ засѣданіи 24 апрѣля 1867 г. постановилъ издать въ Запискахъ Общества всѣ рукописи, оставшіяся послѣ Ч. Ч. Валиханова. Это предпріятіе тогда не осуществилось, а нѣкоторыя статьи Валиханова, требовавшія обработки, разошлись по рукамъ. Такъ, въ бумагахъ В. В. Григорьевъ я нашелъ дѣлъ тетрадки Чокана, одна заключающая киргизскій текстъ сказанія объ Идиге, другая — сокращенный русскій переводъ его ¹⁾.

Въ 1887 г. Г. Н. Потанинъ вновь возбудилъ вопросъ объ изданіи сочиненій Валиханова, причемъ степной генераль-губернаторъ Г. А. Колпаковскій выразилъ согласіе изыскать средства на это изданіе изъ мѣстныхъ источниковъ ²⁾. Но Колпаковскій вскорѣ былъ переведенъ на службу въ Петербургъ, и дѣло изданія опять остановилось. Тогда Г. Н. Потанинъ обратился ко мнѣ съ просьбою принять на себя редактированіе предположеннаго сборника сочиненій Валиханова и подыскать этому сборнику изданія. Несмотря на свои сложныя занятія, я не рѣшился уклониться отъ этого дѣла, находя его безусловно полезнымъ и необходимымъ, какъ въ память Чокана Валиханова, такъ въ интересахъ востоковѣдѣнія, и принялъ на себя испытку обузу разобраться въ его бумагахъ. Этотъ трудъ оказался гораздо значительнѣе, чѣмъ я думалъ. Г. Н. Потанинъ передалъ мнѣ копіи, къ сожалѣнію, не свѣренные съ оригиналами; а нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ достать не удалось. Впослѣдствіи, при посредствѣ г. Потанина я получилъ еще связку черновыхъ бумагъ Валиханова отъ Е. К. Гутковской, дочери К. К. Гутковскаго.

По просьбѣ моей *Г. Н. Потанинъ* и *Н. М. Ядринцевъ* написали свои воспоминанія о Чоканѣ Валихановѣ; а кромѣ того я получилъ замѣтку о немъ, написанную его соотечест-

¹⁾ Трудъ приготовить для печати киргизскій текстъ сказанія объ Идиге взялъ на себя профессоръ Спб. университета П. М. Меліоранскій.

²⁾ Тогда же Г. А. Колпаковскій препроводилъ Г. Н. Штатину копію съ докладной записки штаб-ротмистра Валиханова по вопросу объ устройствѣ судебной части въ Акмолинской области, составленной на основаніи наблюденій и фактовъ, заимствованныхъ изъ дѣлъ областнаго правленія и окружныхъ приказовъ.

веникомъ, *И. И. Ибрагимоымъ*, служившемъ въ Туркестанскомъ краѣ и скончавшемся въ 1891 г. отъ холеры въ Джеддѣ, въ должности россійского консула. С. Я. Капустинъ, хорошо знавшій Валиханова, независимо отъ задуманнаго изданія, предполагалъ написать подробную біографію Валиханова, но все дѣло ограничилось лишь однимъ вступлениемъ, въ которомъ о самомъ Валихановѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній¹⁾.

Совѣтъ И. Р. Географическаго общества, по моему представлению, призналъ возможнымъ принять на средства Общества расходы по изданію сочиненій Валиханова, и я могъ приступить къ печатанію. Больше всего меня смущало то обстоятельство, что я не могъ получить того оригинала, съ котораго печаталось основное произведеніе Валиханова: «О состояніи Алтышара или шести восточныхъ городовъ китайской провинціи Нань-лу (Малой Бухарі) въ 1858 — 1859 году»; а между тѣмъ статья эта редактировала въ Запискахъ Общества такъ пѣбрежно, что она полна опечатками, и пользоваться ею иногда было крайне рискованно. Только по напечатаніи ея мнѣ представилась возможность ознакомиться съ тѣмъ отчетомъ Валиханова, который хранится въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Отчетъ переписалъ писарскою рукою и мѣстами, но не вездѣ, исправленъ самимъ Валихановымъ. Всѣ разногласія этого текста съ напечатаннымъ въ этомъ томѣ, я помѣстилъ особо (стр. 398—403), а всѣ прочія добавленія представилъ цѣликомъ.

Н. Веселовскій.

¹⁾ Бумаги С. Я. Капустина поступили къ Я. И. Смирнову, который съ полной готовностью сообщилъ мнѣ записку Капустина, что ничего оттуда и извлечь для дѣла не могъ.

Біографіческія свідчення о Чоканѣ Валіхановѣ.

I.

Чоканъ бытъ синъ Чингиса Валиевича Валиханова и внуки послѣдняго хана Средней киргизской орды Вали-хана, по которому онъ и носилъ фамилію¹⁾). Чоканъ было его уличное имя, данное ему въ дѣтствѣ; мусульманское его имя было Мухаммѣдъ-ханафіл. Судя по тому, что онъ поступилъ въ Сибирскій кадетскій корпусъ въ 1847 г. (осенью), — а въ корпуса поступали на десятилѣтнімъ возрастѣ — родился онъ въ 1837 году. Гдѣ онъ родился, мнѣ неизвѣстно. Родовая земля Валихановыхъ находилась въ Кончетавскомъ округѣ Акмолинской области, въ мѣстности Серембеть; тутъ, въ 30-хъ-годахъ пашего столѣтія были для Валихановыхъ построены на счетъ правительства деревянный жилой домъ и мечеть.. Но отецъ Чокана въ половинѣ 40-хъ годовъ только временно наѣзжалъ въ Серембеть, а жилъ онъ въ это время въ мѣстности Күшмурунъ, близъ вершины Тобола; онъ въ это время состоялъ «старшимъ султаномъ»²⁾ Күшмурунскаго округа,

¹⁾ Послѣ смерти Валихана киргизскій народъ призналъ хапомъ Средней Орды старшаго сына Вали, Габайдуллу; китайское правительство признало это избрание и прислало Габайдуллѣ грамоту паваніе китайскаго вана; но русское правительство хапомъ Габайдуллу не признало и самъ Габайдулла, кажется, умеръ въ ссылкѣ въ Березовѣ.

²⁾ По степному положенію, составленному Сперанскимъ, киргизская степь Сибирскаго вѣдомства была раздѣлена на округа; каждый округъ управлялся приказомъ, чо киргизки диванъ; присутствіе приказа состояло изъ двухъ (?) засѣдателей (изъ которыхъ одинъ или оба, не знаю, были русскіе) и предсѣдателя; послѣдній былъ неизвѣстно киргизъ; онъ избирался населеніемъ округа и назывался „старшимъ султаномъ“. Проектъ Сперанскаго предполагалъ,ѣроятно, что народъ всегда будетъ избирать предсѣдателя изъ среды киргизскихъ дворянъ, которые называли себѣ султанами. Впослѣдствіе старшіе султаны не всегда избирались изъ султановъ; были „старшии султаны“ изъ простой „черной кости“.

который состоял изъ земель, лежавшихъ вокругъ вершины Тобола; въ мѣстности Күшмурунъ (къ в. отъ Тобола) прошло дѣтство Чокана. Когда Чоканъ поступилъ въ кадетскій корпусъ, я не помню, чтобы онъ что-нибудь рассказывалъ о Серембетѣ; всѣ его дѣтскія воспоминанія, кажется, относятся къ Күшмуруну. Впрочемъ, Чингисъ Валіевичъ, кажется, рапорѣ выхода Чокана изъ корпуса, оставилъ Күшмурунскій округъ и перебѣхалъ въ Серембеть, такъ что въ послѣдніе года пребыванія въ корпусѣ Чоканъ Ѵздила лѣтомъ въ отпускъ въ Серембеть, а уже не въ Күшмурунъ. Эта мѣстность, где прошло дѣтство Чокана, представляетъ плоскую, унылую съ безграничными горизонтами степь, не оживленную, какъ мѣстности Кокчетавскаго округа, скалистыми горами, перелѣсками и горными озерами.

Дѣдъ Чокана, Валиханъ, по семейнымъ преданіямъ не отличался способностями пародоправителя, какъ прадѣдъ Чокана, Аблай-ханъ, прославившійся отдаленными походами (одинъ пабѣгъ Аблай-ханъ сдѣлалъ въ Чжунгарію къ подошвѣ Ханьтэпгри въ Тяньшанѣ) и дипломатическими сполченіями съ Китаемъ. Валиханъ любилъ жуировать и былъ поклонникъ прекраснаго пола. Когда къ Аблай-хану прибыло китайское войско, молодой султанъ приволокнулся къ наложницѣ китайскаго послы, которую тотъ привезъ съ собою. Ночью вышла какая то сцена, при чемъ Вали или одинъ изъ его спровождавшихъ отрубилъ саблей носъ китайцу, принадлежавшему къ свитѣ послы. Аблай пришлось улаживать дѣло.

Чингисъ Валіевичъ, отецъ Чокана, получилъ образованіе въ Омскѣ, въ войсковомъ казачьемъ училищѣ, то есть въ томъ самомъ, въ которое потомъ поступилъ и Чоканъ, но во времена Чокана оно уже было преобразовано въ кадетскій корпусъ. Мать Чокана, Зейнепъ, была дочь бія Баянъ-аульскаго округа Чормана. Родной братъ Зейнепъ Муса Чормановичъ Чормаловъ, дядя Чокана, пережившій племянника, былъ очень влиятельный человѣкъ въ степи, пользовался уваженіемъ степныхъ властей, имѣлъ чинъ русскаго полковника, подолгу живѣлъ въ Омскѣ, раза два Ѵздила въ Петербургъ и вообще былъ одинъ изъ наиболѣе европеизированныхъ киргизъ. Муса

Чормашовичъ умеръ въ 1887 году. Семейство его живетъ въ Баянъ-аульскомъ округѣ.

Чоканъ былъ старшій сынъ у Чингиса Валіевича. Кромѣ того у Ч. В. были еще дѣти: сынъ Махмудъ, другой сынъ глухонѣмой, дочь Нурида, которая въ настоящее время замужемъ за Садвакасомъ, старшимъ сыномъ Мусы Чорманова.

Чоканъ былъ привезенъ въ Омскъ осенью 1847 г. Его привезъ В. И. Дабшинскій, переводчикъ киргизскаго языка, состоявший при таѣ называемомъ Пографичномъ Начальникѣ, т. е. при генералѣ, завѣдывавшемъ киргизами Сибирскаго вѣдомства. Я увидѣлъ Чокана въ первый разъ еще до его поступленія въ корпусъ, именно въ квартирѣ В. И. Дабшинскаго. Какъ это случилось, я не помню; до этого визита я никогда у Дабшинскаго не бывалъ. Я уже въ это время прожилъ годъ въ корпусѣ, а потому вѣроятно меня избрали пачально въ первые знакомцы Чокану, чтобы онъ не такъ сильно почувствовалъ свое одиночество, когда его наконецъ оставилъ въ стѣнахъ корпуса. Чоканъ ни слова не зналъ по-русски и уже тогда любилъ рисовать карандашомъ; Дабшинскій показывалъ картинку, нарисованную Чоканомъ уже въ Омскѣ; русскій городъ поразилъ мальчика и онъ изобразилъ карандашомъ одинъ изъ городскихъ видовъ.

Войсковое казачье училище только передъ поступленіемъ Чокана было преобразовано. До 1846 года это была казачья бурса; часть учителей, особенно въ низшихъ классахъ, были урядники; обращеніе съ воспитанниками было грубое; обѣдали воспитанники съ оловянныхъ тарелокъ деревянными ложками; въ классахъ все было основано на долблениі «отъ сихъ и до сихъ»; за неуспѣхи и шалости сильно пороли. Преобразованіе началось съ того, что изъ Петербурга были присланы офицеры-воспитатели; старая посуда замѣнена фаянсовой, ложки даны серебряные, пищу значительно улучшили, воспитанникамъ стали говорить «вы». Но самая главная реформа была произведена въ классахъ; молодой артиллерійскій капитанъ Жданъ-Пушкинъ, служившій въ строю на Кавказѣ, былъ назначенъ инспекторомъ классовъ. Опять внесъ новый духъ въ заведеніе.

Жданъ-Пушкинъ былъ разносторонне образованный человѣкъ; онъ зналъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки, былъ отлично знакомъ съ исторіей европейской литературы, особенно англійской, и съ исторіей вообще. Слышалось, что иной предметъ оставался безъ преподавателя—Жданъ-Пушкинъ бралъ преподаваніе на себя. Такъ онъ по временамъ читалъ намъ алгебру, всеобщую исторію и артиллерию, и каждый предметъ онъ читалъ лучше учителя. Но главнымъ образомъ его благородный и открытый характеръ оставлялъ глубокій слѣдъ въ умахъ его питомцевъ; кадеты старались подражать ему.

Первымъ его дѣломъ было сформировать новый составъ учителей. Изъ старыхъ онъ оставилъ только трехъ, въ томъ числѣ Ник. Фед. Костылецкаго. Костылецкій преподавалъ русскій языкъ и русскую словесность. Онъ былъ собственно ориенталистъ, кончилъ курсъ въ Казанскомъ университѣтѣ по восточному факультету, готовился въ драгоманы въ Константинополь, но такъ какъ былъ казакъ, то долженъ былъ вернуться на родину въ Сибирское казачье войско, гдѣ его сдѣлали преподавателемъ русскаго языка въ войсковомъ казачьемъ училищѣ. Онъ зналъ хорошо языки арабскій, персидскій и особенно нарѣчіе казанскихъ татаръ. Сначала Костылецкій возмущался назначениемъ учителемъ русской словесности и тѣмъ, что его отрывали отъ занятій, къ которымъ онъ чувствовалъ призваніе, но потомъ примирился съ предметомъ и даже, какъ онъ говорилъ, очень полюбилъ его. Костылецкій былъ другъ ориенталиста Березина, доставлялъ ему материалы о киргизскомъ нарѣчіи, собирая образцы киргизскаго народнаго творчества, имѣлъ нѣсколько вариантовъ киргизской большой сказки о Козу-курпечѣ. Для него, конечно, Чоканъ былъ очень интересный субъектъ. Для кадетъ Костылецкій имѣлъ большое значеніе; онъ отличался независимымъ характеромъ и былъ очень остроуменъ; пошлость онъ преслѣдовала язвительными насмѣшками; онъ былъ поклонникъ идей Бѣлинскаго и почитатель таланта Гоголя; въ своей исторіи словесности онъ руководствовался статьями Бѣлинскаго, что потомъ, однѣмъ изъ генераловъ-инспекторовъ, ревизовавшихъ

кориць (не помню Клюпфелемъ или Апненковымъ) было поставлено ему въ упреge.

Другой изъ оставлениыхъ старыхъ учителей былъ Евг. Ив. Старковъ, также какъ и Костылецкій, родомъ сибирской казакъ. Это также былъ очень способный человѣкъ, но получилъ образованіе только въ войск. казачьемъ училищѣ, и дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ не могъ получить, потому что, какъ казакъ, долженъ былъ по выходѣ изъ училища, оставаться на службѣ въ войсکѣ. Онъ отличался необыкновенной памятью, предметъ зналъ хорошо и читалъ добросовѣстно; былъ очень добрый человѣкъ, тихій, задумчивый и разсѣянный. Жданъ-Пушкинъ просилъ его познакомить настъ и оподробнѣе съ географіей Киргизской степи, что Старковъ и сдѣлалъ; потомъ онъ даже напечаталъ свой географическій очеркъ Киргизской степи. Это было для кадетъ очень полезно, потому что многимъ изъ нихъ, особенно казакамъ, пришлось подолгу служить въ Киргизской степи и ходить по ней въ походѣ.

Для преподаванія истории Жданъ-Пушкинъ выписалъ молодого учителя Гонсѣвскаго. Гонсѣвскій былъ спачала студентомъ Виленскаго университета, потомъ, съ закрытиемъ послѣдняго, перешелъ въ Казанскій. Это былъ изъ нашихъ учителей самый начитанный; онъ продолжалъ слѣдить за своей наукой, выписывая много книгъ и повидимому готовился къ болѣе серьезнѣй профессии, чѣмъ преподаваніе въ провинціальномъ среднемъ учебномъ заведеніи. Феноменальна застѣнчивость указывала на какую-то духовную ненормальность его, и рассказывали, что уѣхавъ вскорѣ въ Россію, онъ застрѣлился. Лекціи его имѣли для насъ большое значеніе. Въ кадетскихъ корпусахъ исторію по программѣ позволялось дводить только до 1815 года, но Гонсѣвскій, конечно съ разрѣшеніемъ Жданъ-Пушкина, довелъ ее до 1830 года. Особенно подробно онъ прочелъ намъ исторію великой французской революціи, выставивъ ея культурныя заслуги для европейскаго общества, сочувственно изобразивъ главныхъ ея дѣятелей, что нисколько не измѣнило нашихъ чувствъ въ отношеніи къ своему правительству и всѣ мы изъ подъ руки Гонсѣвскаго вышли глубокими монархистами.